

Griten, griten de terror, griten como un huracán, giman como un bosque profundo, que las rocas caigan y los torrentes se precipiten, griten de miedo porque en este instante ven pasar por el aire los caballos negros, las campanas se apagan, el sol se extingue, los perros gimen, el diablo se ha adueñado del mundo, los esqueletos han salido de las tumbas para saludar el paso de los corceles oscuros de la maldición. ¡Llueve sangre del cielo! Los caballos son veloces como el pensamiento, inesperados como la muerte, son la bestia que siempre nos ha perseguido, desde la cuna, el fantasma que de noche toca a nuestra puerta, el animal invisible que rasguña nuestra ventana, ¡griten todos como si en ello les fuera la vida! AUXILIO: le piden gracia a Santa María, saben en sus almas que ni ella ni nadie los puede salvar, están todos condenados, la bestia nos persigue, llueve sangre, las alas de los pájaros nocturnos nos azotan el rostro, ¡Mefistófeles ha envenenado al mundo y ustedes cantan como si estuvieran en el coro de una opereta de Gilbert and Sullivan...! ¡Dense cuenta, están cantando el *Fausto* de Berlioz, no para gustar, no para impresionar, ni siquiera para emocionar; lo están cantando para espantar: ustedes son un coro de aves de pésimo agüero que avisa: vienen a quitarnos nuestro nido, vienen a sacarnos los ojos y a comernos la lengua, entonces contesten ustedes, con la esperanza última del miedo, griten *sancta maria ora pro nobis*, este territorio es nuestro y al que se acerque le sacaremos los ojos y le comeremos la lengua y le cortaremos los cojones y le sacaremos la materia gris por el occipucio y lo descuartizaremos para entregarle las tripas a las hienas y el corazón a los leones y los pulmones a los cuervos y el riñón al jabalí y el ano a las ratas, ¡griten!, griten al mismo tiempo su terror y su agresión, defiéndanse, el diablo no es uno solo, ese es su engaño, posa como Mefisto pero el diablo es colectivo, el diablo es un *nosotros* inmisericorde, una hidra que desconoce la piedad o el límite, el diablo es como el universo, Lucifer no tiene principio ni fin, ensayen esto, comprendan lo incomprendible, Lucifer es el infinito que cayó a la Tierra, es el exiliado del cielo en un pedrusco

Кричите, кричите от ужаса, вопите как ураган, войте как дремучий лес, пусть рушатся скалы и бурлят водные потоки, кричите от страха, потому что сейчас по воздуху проносятся чёрные кони, затихает звон колоколов, гаснет солнце, скулят собаки, дьявол стал владельцем мира, мертвецы встают из могил, чтобы поприветствовать тёмных лошадей, несущих проклятие. Кровь льётся с небес! Кони, быстрые как мысль, внезапные как смерть, они – зверь, который всегда нас преследовал, с самого детства, призрак, который ночью стучит в нашу дверь, невидимый зверь, царапающий наше окно, кричите все, ведь от этого зависит ваша жизнь! МОЛЬБА О ПОМОЩИ: вы просите милости у Девы Марии, но в глубине души знаете, что ни Она, и никто другой не может вас спасти, все обречены, зверь преследует нас, кровь льётся с небес, крылья ночных птиц задевают лицо, Мефистофель отравил мир, а вы поёте словно, хор в оперетке Гилберта и Салливана...! Поймите же, вы исполняете «*Фауста*» Берлиоза не для того, чтобы понравиться, произвести впечатление или даже взволновать; вы исполняете его, чтобы внушить ужас: вы – это хор птиц, несущих зловещее предзнаменование: нас лишат родного гнезда, выцарапают наши глаза и вырвут язык, тогда отвечайте, в страхе цепляясь за последнюю надежду, кричите *sancta maria ora pro nobis*, это наша земля, и любому, кто приблизится, мы выцарапаем глаза, сожрём язык, оторвём яйца, достанем его серое вещество из черепа, разорвём его на части, чтобы скормить кишки гиенам, сердце – львам, лёгкие – воронам, почки – кабанам, а зад – крысам! Кричите! Выплескивайте свой ужас и свою агрессию, защищайтесь, ведь дьявол не один, это обман, он воплотился в Мефистофеля, но у него разные обличья, дьявол в беспощадном слове «*мы*», это гидра, которая не знает ни жалости, ни сострадания, дьявол – это как вселенная, у Люцифера нет ни начала, ни конца, попробуйте передать это, поймите непостижимое, Люцифер – это бесконечность, которая обрушилась на Землю, он изгнан с небес на каменную глыбу посреди необъятной вселенной, это было божественным наказанием: ты будешь бесконечным и бессмертным на смертной и конечной земле; но вы, стоя этой ночью здесь, на сцене «Ковент-Гарден», пойте так, словно вы единомышленники Бога, покинутые им, кричите,

de la inmensidad universal, ese fue el castigo divino, serás infinito e inmortal en la tierra mortal y finita, pero ustedes, ustedes esta noche aquí en el escenario de Covent Garden, canten como si fuesen los aliados de Dios abandonados por Dios, griten como quisieran oír gritar a Dios porque su efebo preferido, su ángel de luz, lo traicionó y Dios, entre risas y lágrimas —¡qué melodrama es la Biblia!— le regaló el mundo al Diablo para que en el peñasco de lo finito representase la tragedia de la infinitud desterrada: canten como testigos de Dios y del Demonio, *sancta maria, ora pro nobis*, griten *jas jas Mephisto*, ahuyenten al diablo, *sancta maria, ora pro nobis*, el del corno resople, las campañas tañan, reconózcense los metales, la multitud mortal se aproxima, sean coro, sean multitud también, legión para vencer con sus voces el estruendo de las bombas, estamos ensayando con las luces apagadas, es de noche en Londres y la *Luftwaffe* está bombardeando sin cesar, ola tras ola de pájaros negros pasan chorreando sangre, la gran cabalgata de los corceles del diablo pasa por el cielo negro, las alas del maligno están azotando nuestras caras, ¡síéntanlo!, eso quiero oír, un coro de voces que silencie a las bombas, ni más ni menos, eso merece Berlioz, recuerden que yo soy francés, *allez vous faire miquer!*, canten hasta silenciar las bombas de Satanás, no descansaré hasta escucharlo, ¿me entienden?, mientras las bombas de afuera dominen las voces de adentro, aquí seguiremos, *alltz vous faire foutre, mesdames et messieurs*, hasta caernos de cansancio, hasta que la bomba fatal caiga sobre nuestra sala de conciertos y de verdad quedemos más que jodidos hechos puré, hasta que juntos ustedes y yo derrotemos la cacofonía de la guerra con la destemplada armonía de Berlioz, el artista que no quiere ganar ninguna guerra, sólo quiere arrastrarnos con Fausto al infierno porque nosotros, tú y tú y tú y yo también le hemos vendido nuestra alma colectiva al Demonio, ¡canten como animales salvajes que se ven reflejados por primera vez en un espejo y no saben que ustedes son ustedes!, ¡aúllen como el espectro que se ignora, como el reflejo enemigo, griten como si descubrieran que la imagen de cada uno en el espejo de mi música es la del enemigo más feroz, no el anticristo, sino el antiyo, el antipadre y el antimadre, el antihijo y el antiamante, el ser de uñas

словно вы хотите услышать, как кричал сам Бог, когда его любимый эфеб, светлый ангел, предал его; и тогда Бог, сквозь смех и слёзы – что за мелодрама эта Библия!–, подарил миру дьявола, чтобы тот на клочке смертной земли сыграл трагедию изгнанной бесконечности: пойте, как свидетели Бога и демона, *sancta maria, ora pro nobis*, кричите «хас, хас Мефистофель», изгоняйте дьявола, *sancta maria, ora pro nobis*, пусть рогатый хрипит, пусть звонят колокола, пусть обнажится суть вещей, толпа смертных приближается, станьте хором, станьте этой толпой, легионом, чтобы ваши голоса заглушили звуки взрывов; мы репетируем с потухшими огнями, в ночном Лондоне, под непрерывными бомбардировками Люфтваффе стаи черных птиц сеют смерть, кровь льется рекой, боевая конница дьявола несется по черному небу, зловещие крылья задевают наши лица, почувствуйте! Вот это я и хочу услышать – хор голосов, заглушающий взрывы, не больше и не меньше, Берлиоз этого заслуживает, вы же помните, я сам француз, *aller vous faire miquer!* Пойте, пока не смолкнут бомбы Сатаны, я не успокоюсь до тех пор, пока этого не добьюсь, вы понимаете? Пока взрывы бомб там, снаружи, заглушают голоса здесь, внутри, мы так и будем продолжать репетицию, *allez vous faire foutre, mesdames et messieurs*, пока не свалимся с ног от усталости, пока роковая бомба не попадет в наш концертный зал и не оставит от нас мокрое место, и пока мы вместе, вы и я, не победим какофонию войны диссонирующей гармонией Берлиоза, артист, который не хочет выигрывать никакую войну, а всего лишь хочет утащить нас в ад вместе с Фаустом, потому что ты, ты и ты, и я сам - мы продали нашу общую душу демону; скулите, как дикие звери, впервые увидевшие свое отражение в зеркале и не понимающие, что это они сами! Завывайте как привидение, которое ничего о себе не знает; кричите, как если бы вы вдруг заметили, что каждый из вас отражается в зеркале моей музыки как злейший враг, не антихрист, а анти-я, антиотец и антимасть, антисын и антилюбownik, существо с когтями, вымазанными в дерьме и гное, которое жаждет запустить лапы нам в задницу и в рот, в уши и в глаза, проникнуть в наш мозг, отравить сознание и сожрать наши мечты; кричите, как заблудившийся в лесу зверь зовет своих сородичей через расстояние, кричите, как птицы, отгоняющие врага от гнезда!.. – Смотрите на чудовище, которое и вообразить невозможно, не на чудовище, а на брата, члена семьи, который однажды ночью открывает дверь,

embarradas de mierda y pus que quiere meternos las manos en el culo y en la boca, en las orejas y en los ojos abrimos el canal occipital hasta infectarnos el cerebro y devorarnos los sueños; griten como los animales perdidos en la selva que deben aullar para que las demás bestias los reconozcan a través de la distancia, griten como los pájaros para espantar al adversario que quiere arrebatarnos el nido...!

—Miren al monstruo que nunca habían imaginado, no el monstruo sino el hermano, el miembro de la familia que una noche abre la puerta, nos viola, nos asesina e incendia el hogar común...

Gabriel Atlan-Ferrara quería, en ese punto del ensayo nocturno de *La Damnation de Faust* de Héctor Berlioz el 28 de diciembre de 1940 en Londres, cerrar los ojos y volver a encontrar la sensación agobiante y serena a la vez del trabajo fatigoso pero cumplido: la música fluiría autónoma hasta los oídos del público aunque todo en este conjunto dependiese del poder autoritario del conductor: el poder de la obediencia. Bastaría un gesto para imponer la autoridad.

насилует нас, убивает нас и поджигает родимый дом...

В этот момент, во время вечерней репетиции «Осуждения Фауста» Гектора Берлиоза 28 декабря 1940 года в Лондоне, Габриэлю Атлан-Феррара захотелось закрыть глаза и вновь испытать то ощущение подавленности и, вместе с тем, спокойного удовлетворения, от проделанной утомительной работы: музыка уже сама донесётся до людей, сидящих в зале, хотя все здесь зависит от безраздельной власти дирижера, его права требовать послушания. Довольно одного жеста, чтобы установить его власть.